

Он оказался духовной вершиной гуманизма на фоне идеологически довольно бесцветной эпохи, которая до него не доросла. Но эта эпоха ушла, и мы, наследники великого гуманиста, отдаём должную дань человеку, который сумел осветить своим сердцем кромешную тьму эпохи. Что же касается личного пути этого рыцаря-гуманиста к вершинам, стоит вспомнить блестящую фразу ещё одного величайшего мыслителя: «Дух шествует к Истине дорогой отчаяния» («Феноменология духа» Гегеля).

И в заключение – слово самому Антуану де Сент-Экзюпери:

«...И вновь мне ясна одна вещь. Может быть, на этой непостижимой вершине, где я восседаю в полном одиночестве, она слаще всего. Нежность к тем, кого я люблю, и ещё большая – ко всем людям. И так бывает всегда. Когда оказываешься под угрозой, чувствуешь ответственность за всех. И хочется сказать: “Да низойдёт мир в ваши сердца”». (Из письма, написанного в конце декабря 1939 г.)

СЮРПРИЗЫ ДВУЛИКОГО ЯНУСА

В конце 1935 года Экзюпери оказался в зоне очередного безденежья. Друзья решили помочь ему подзаработать, посоветовав рискнуть совершить рекордный перелёт, за который правительство назначило крупную премию. Возможности нового самолёта Сент-Экса позволяли ему рассчитывать на успех предприятия, ибо соревновались не только люди, но и техника. Правда,

рекордные перелёты требовали длительной и тщательной подготовки, а у Экзюпери до истечения поставленного в условиях срока было всего две недели. Кроме того, семейные неурядицы отвлекали от тренинга и продумывания полёта: целыми ночами он отлавливал свою сумасшедшую жену по божественным притонам Парижа и затем часами переругивался с ней, которая, в том числе, была не в восторге от его затеи. Подготовка в основном легла на плечи друзей, и они старались сделать, что могли. Время от времени Антуан погружался в суть предстоящего перелёта, но, как выяснилось через несколько дней, недостаточно. Мермоз намекал, что друг слишком легкомысленен, чтобы добиться успеха. Экзюпери рассчитывал не только на премию, но и на гонорар за будущие репортажи о перелёте, которые он заранее запродавал в одну из центральных французских газет.

Вот что случилось далее.

«В субботу 28 декабря 1935 года Люка проводил товарища в метеорологическое бюро Ле-Бурже. Было решено вылететь следующим утром, но прогноз не радовал. Тем вечером Антуан и Консуэло ужинали с Раймоном Бернаром и его женой в бистро на Монмартре, а потом отправились на уличную ярмарку, открывшуюся на бульваре де Клиши. Через несколько минут Сент-Экзюпери извинился и отправился к предсказательнице судьбы. Вернулся он к друзьям совершенно потрясённым: гадалка предсказала катастрофу. Сент-Экс не поверил предсказанию и потащил всю компанию в работавшую круглосуточную аптеку. Он хотел купить средство, которое не позволит ему заснуть во время полёта. На следующее утро Люка разбудил его в четыре утра. Нельзя сказать, чтобы пилот успел выспаться, – ведь почти целый вечер он провёл, переходя из одного ночного клуба в другой в поисках жены, которая снова исчезла. Несмотря на советы Мермоза и Даве, Экзюпери почти двое суток не

спал. Сегонь отвёз его в Ле-Бурже. <...> В воскресенье, 29 декабря, в 7.01 Экзюпери и Прево взлетели»¹.

Это начало истории.

Здесь поражают два обстоятельства: фатальное легкомыслие к предстоящей серьёзной затее, в которой с Экзюпери соревновались серьёзные и ответственные люди: лётчики-конкуренты. Сент-Экс решил испытать судьбу. А судьба решила испытать его.

И второе: зачем было идти к гадалке, если не верить её предсказаниям? Вероятно, он хотел услышать утешительный прогноз, который бы аннулировал всё его легкомыслие в подготовке к перелёту. Но предсказательница его разочаровала.

Оставалось – по Паскалю – делать ставку на Бога.

Значит, вопрос ставился не о получении денег, а о выживании, о жизни и смерти. Упрямство, вера в свою звезду или noblesse заставили его не отступать? Скорее всего – решительность фаталиста, не исключая и остального.

Проведя почти 20 часов в полёте, 30 декабря в 2.45 ночи, высматривая в густых облаках огни Каира, Сент-Экс на скорости 170 миль в час врезался в песчаный бархан в Ливийской пустыне.

Катастрофа произошла. Как и было предсказано. *Не верить* надо было, не переступая порог гадалки. Что было бы правильно.

20 часов Экзюпери был погружён в текучую рефлексию о предстоящем, находясь в особом психофизиологи-ческом состоянии, реконструировать которое помогают воспоминания приятеля Сент-Экса Чарльза Линдберга, оказавшегося в подобной же ситуации.

Линдберг описывает, что уже до старта его рекордного перелёта он был полностью измотан рядом непредвиденных обстоятельств. У него возникли проблемы с машиной, которые день и ночь требовали от

¹ Шифф С. Сент-Экзюпери. Биография, М., 2003; 275-276.

него незапланированной дополнительной работы. Его повсюду преследовали настырные журналисты. В последний вечер, когда, наконец, он хотел отдохнуть, друг не давал ему заснуть, хотя вообще-то другу следовало как никому заботиться о его покое. Но когда Линдберг как раз засыпал, в комнату вошёл другой друг и сказал:

– Что я буду делать, когда тебя здесь не будет?!

Чарльз Линдберг должен был сесть в кабину после двух бессонных ночей. (Ситуация Экзюпери повторена один к одному, только раздражители были другие).

Он был один в самолёте, в котором было так мало места, что невозможно было свободно или резко повернуться, не вызвав сильной качки. Из-за абсолютной необходимости сидеть спокойно и всё же сохранять внимание он медленно погрузился в особое состояние сознания, которое описал так:

«...После критических мгновений и многих часов перенапряжения дух и тело смогли настолько сильно разделиться, что, в конце концов, они оказались совершенно различными элементами: как будто бы тело было лишь приютом, в котором временно задержался дух, всё же будучи с ним несколько связан... Через неопределённое время мне показалось, что я отделился от собственного тела, как будто бы я был сознанием, распространившимся в пространстве, как над землёй, так и над небом, не ограниченным материальностью или временем... что же я такое – телесная субстанция, которую я вижу глазами, могу ощутить своими руками? Или я... всеохватывающее понимание, которое едва ли живёт в телесной субстанции, но, тем не менее, распространяется в универсуме?»

(Такие состояния Экзюпери переживал неоднократно, и подобные описания встречаются в его произведениях).

Через 18 часов Линдберг почти заснул. Теперь у него за плечами была третья бессонная ночь. Чтобы поддержать бодрость, он начал опускаться под облака и

подниматься над ними. Но ему стало помогать неожиданное средство.

«...Я начал смутно ощущать новое измерение, которое появилось для моей поддержки. Казалось, что я состою теперь из трёх личностей, или, скорее, из трёх элементов, из которых каждый частично зависел, а частично не зависел от других. Вот, прежде всего, моё тело, которое теперь окончательно знает, что в этом мире оно не хочет больше ничего, кроме как спать. Вот затем моя совесть. Она постоянно принимает решения, которое моё тело отказывается выполнять. Вследствие этого, оно быстро теряет своё влияние. А вот, наконец, третий элемент. Кажется, что он с усталостью не только не слабеет, но становится, напротив, сильнее. Это духовный элемент, направляющая сила, которая вышла откуда-то из глубины и начала контролировать ум и тело. Кажется, эта сила заботится о двух других, как заботится отец о своих сыновьях: она позволяет им продвинуться вплоть до самого края опасности, а затем отзывает обратно, ведёт их осторожной, но твёрдой рукой...

Третья сила переняла руководство. Она знает и держит границу, которую я сам не могу определить. Сознание и тело она оставляет расслабленными, но она тут же их активизирует, если стрелка слишком быстро или слишком далеко отдаляется от середины. Потом уже я регулирую машину из своего оцепенелого состояния, выравниваю опять горизонтальную плоскость, поворачиваю руль туда, куда показывает стрелка компаса, мгновенно прихожу в себя, – и позволяю стрелке опять делать то, что ей хочется.

Снова и снова я засыпаю с открытыми глазами. Я знаю, что засыпаю и не могу этому противостоять. Я чувствую всё то, что чувствуют, засыпая вечером в постели, чтобы потом несколькими секундами или минутами позже испытать все ощущения пробуждения. Когда я засыпаю таким образом, мои глаза также оторваны от моей естественной способности понимания, как если бы были на самом деле закрыты. Но зато они

связаны с тем новым, исключительным пониманием, которое заметно лучше справляется с получаемыми ими впечатлениями».

Через несколько часов он наблюдает новое изменение в состоянии своего сознания.

«В этот естественный промежуток времени, когда я – наполовину во сне, наполовину бодрствуя – пристально смотрю на приборы, кабина позади меня наполняется духами – размытыми, прозрачными образами, которые плавно передвигаются и невесомо сопровождают меня. Их появление не поражает меня, так как в нём нет никакой внезапности. Не поворачивая головы, я вижу их так ясно, как если бы они находились в поле моего нормального зрения. Мой обзор, таким образом, становится больше, он не ограничен, мой череп представляет собой теперь один единственный глаз – глаз, который одновременно смотрит во все направления. Призраки говорят человеческим голосом – дружелюбные тени, как туман, без вещественной субстанции. В любой момент они могут появиться и исчезнуть. Борта фюзеляжа самолёта не являются для них перегородкой. То они смотрят, вплотную прижавшись позади меня, то здесь остаётся лишь несколько из них. Сперва один, потом другой наклоняются вперёд, облокотившись на мои плечи, чтобы сквозь шум мотора говорить со мной, а потом возвращаются назад к своей группе. Временами голоса доносятся прямо из воздуха, отчётливо, но издалека, преодолев пространства и расстояния, для которых ничтожна мера человеческой мили, интимные голоса, говорившие со мной во время моего полёта, делились техническими предложениями, обсуждали со мной проблемы навигации, успокаивали меня.

В любое другое время такие видения меня бы сильно испугали. Но в этом фантастическом полёте я так далеко удалился от земной, знакомой мне жизни, что я был готов ко всему, что могло случиться. И эти посланцы из мира духов <...> не были ни навязчивыми, ни враждебными.

Скорее это было как бы встречей с семьёй, с друзьями после долгих лет разлуки – я как будто хорошо знал всех их в прежней жизни... Я лечу в машине через Атлантику, но в то же время я живу во времена, которые давно прошли».

Когда Линдберг пролетел над юго-западным побережьем Ирландии, он увидел крестьянские дома, коров и овец. К нему пришли новые силы, и он почувствовал, как он медленно вновь соединяется со своим физическим телом и возвращается в своё нормальное состояние сознания.

«В земном небе, над брэнной землёй я снова становлюсь самим собой. Руки и ноги, а также и веки опять могут двигаться, и я могу беспрепятственно думать. Третье измерение, которое ночью переняло руководство, отступило на задний план. Прекратилось разделение моего существа на три части. Моё тело снова стало делать то, что приказывал мой ум».

Благодаря фантастической сосредоточенности и финализму ситуации, Линдбергу удалось успешно завершить полёт и благополучно приземлиться, установив очередной рекорд. Крушение означало для него полный конец, поэтому все испытания были сосредоточены в процедуре полёта.

Случай Экзюпери был совершенно иной: испытания с аварией только начинались – таков был замысел Экзаменатора.

Мистически подыгрывая этому плану, Сент-Экс не взял с собой радио, предпочтя лишние литры горючего: над Египтом, где в силу погодных условий можно было ориентироваться только по радио, это сыграло роковую роль. При катастрофе самолёт мог вспыхнуть как факел – но тут уж испытуемого подстраховали Высшие Силы.

Расслоения, по Линдбергу, на три части начались и нарастали при одолении пустыни близ пограничья годов 35-го и 36-го. 31 декабря решалась судьба Мастера: он должен был заплатить за звание «египтянина» по полной

мере. Сколько раз он утыкался лицом в горячий песок Египта, как он обнимал и ласкал эту возлюбленную, душащую его в своих объятиях – обо всём этом в «Земле людей». Теперь уже Экзюпери не представим без этих, возможно, самых лучших страниц его литературного творчества. Краткая формула Гийоме: «Я вынес то, что не вынесло бы ни одно животное» получила здесь развёрнутый комментарий и героический дубликат.

Что касается раstraивания, то Экзюпери отразил его в отдельном произведении: «Маленьком принце». В этом случае *Маленький принц* – духовное тело автора, а *лётчик* – его тело душевное. Есть ещё и физическо-метафизическое (ментальное) тело писателя. Скрепа всех тел – маркировка планеты принца: «астероид Б-612», где **Б** – Бернис, лирический герой и alter ego Экзюпери из «Почты на юг», а **612** – номер его самолёта. За девятку этого числа (6+1+2) он чуть не заплатил жизнью, ибо висел над пропастью небытия 1 января (19)36 года (3+6)!

Подлинный пророк всегда Януарий: одним лицом смотрит в прошлое, другим повёрнут в будущее. Таков великий Каид «Цитадели», где он то юноша, которого назидает старец-отец, то зрелый муж, обращающийся к отроку-читателю (*слушателю* в теле текста).

Новизна наступившего года в этом случае была прочувствована им до конца. Фантомность Булгаковских персонажей – нет сомнения, что при встрече в американском посольстве Булгаков познакомил Экзюпери с сутью произведения, над которым в то время работал, – приобрела в миражном пространстве Ливийской пустыни права полного гражданства: двоиться, исчезать и возникать, говорить, будучи невидимыми, было, можно сказать, профессией членов свиты Воланда. Даже зеркало песков было знакомым входом в таинственное зазеркалье духов. В сущности Сент-Экс и его механик Прево ползали по мягкой амальгаме огромного глобальных масштабов зеркала, время от времени проваливаясь в зазеркалье.

Когда в часы ожидания разрешения ситуации – велись интенсивные поиски пропавших с воздуха – Дидье Дора попросили дать прогноз, он ответил: «Не бойтесь, Сент-Экс – настоящий боец. Конечно, он сумеет выбраться. Обезоружить его могут только мелочи и глупость».

Так и получилось. Поражение в коммерческо-спортивной части предприятия обернулось грандиозной человеческой победой. Экзамен он выдержал с блеском.

Правда, контрибуцию арабам за спасение он выплачивал всю оставшуюся жизнь. Плата за избавление от неминуемой и скорой смерти – «Цитадель». Ориентализм главной книги Сент-Экса непредсказуем, исходя из логики предыдущих его произведений. Пространство «Цитадели» не менее мистично, чем квартира № 50, когда в ней поселяется Воланд.

Собственно, это два выхода – и входа – одного и того же метареалистического пространства мифа, по отношению к которому пространство мира является лишь вспомогательным, локальным.

Даже само многоголосье «Цитадели», «Военного лётчика» и «Маленького принца» есть единобеседование трёх линдберговских тел, высокий исповедальный статус которого самоочевиден. 1 января 1936 года для Экзюпери закончилась литература. В 35 лет он принял на себя миссию Верховного Инспектора и Базилевса. Он начинает грандиозное строительство на земле Империи Духа.